ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

ПУТЬ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ ЧЕРЕЗ ТРИ РЕВОЛЮЦИИ, ТРИ ССЫЛКИ И ТРИ ВОЙНЫ

Автор поэтического сказания о святителе Луке (Войно-Ясенецком) Григорий Аркадьевич БОРОДУЛИН — выпускник Санкт-Петербургского государственного технологического университета растительных полимеров (1972) и Санкт-Петербургского государственного технологического института (1982). Профессиональная деятельность автора связана с разработкой алгоритмов и программ по выявлению и устранению скрытых дефектов сложных энерготехнологических и биотехнологических систем. Многие годы работал в области энергосбережения и экологии.

Пишет стихи с юношеских лет. В 2008 г. выпустил сборник «Храма белая свеча», посвященный светлой памяти протоиерея Василия Ермакова, в 2012 г. сборник «Пасхальный свет — весна Вселенной». Со стихотворными произведениями автора можно познакомится на сайте Стихи.ру (www.stihi.ru/avtor/gabor48).

Предлагаем вниманию читателей первую часть поэтического труда Г. А. Бородулина — стихотворного жизнеописания святителя Луки, в которой охватывается биография святителя с юношеских лет до первой сибирской ссылки.

ЧАСТЬ I. ВЫБОР ПУТИ

ГЛАВА 1. ЮНОСТЬ СВЯТИТЕЛЯ

В Керчи-Пантикапее был святой рожден,
Где пел прибой Эллады древние напевы,
Пел смелый генуэзец славу Приснодевы
И проносились орды вольницы степной.

Татары гнали там невольников толпой
И ятаганы там точили янычары
И запорожцев сабли яростно сверкали
И Ушакова проходил эскадры строй…

И был младенец Валентином наречен
В семье провизора и шляхтича по крови,
Скрепленной кроткою молитвою отцовой
И материнской верой строгой и простой.

Дни юности прожил на киевских холмах,
Где блеск церквей парит над зеленью каштанов
И звон колоколов звучит Днепра в волнах
И благодать живет в молитве древних храмов.

И был он живописью страстно увлечен,
Пытливо изучал Евангелья страницы
И верою был богомольцев поражен —
Когда у стен Печер он рисовал их лица.

Толстовства юноша соблазном завлечен,
Но осознал яд еретической гордыни,
К служенью людям всей душою устремлен
И начал путь служенья с медицины.

Он перешел на медицинский факультет
И анатомии стал постигать глубины —
Его раскрылся здесь художника талант
И чувство формы помогало в хирургии…

ГЛАВА 2. ЛЮБОВЬ ЗЕМНАЯ

Нежданно грянула с Японией война —
Призвали Валентина раненых страданья.
Военным стал хирургом он тогда
В Чите, в земле суровой Забайкалья.

Там с Анною Ланской свела его судьба —
Там многие любви сестры-красавицы желали,
Но только для него прекрасные глаза
«Святой сестры» любовью вечной засияли…

В час войн и бедствий брак — спасения ковчег,
Ведь святость брака освящает жажду жизни,
Но преступить пришлось девичества обет
И скрылся лик Христа от Анны в час молитвы.

Гром революции, казалось, отступал,
Но дух вражды теснил заветы христианства,
Вражду — порыв интеллигенции смягчал,
Что бескорыстно шла трудиться для крестьянства.

Был исцелен однажды юноша слепой
И шли слепые не боясь дороги дальней…
Боль облегчить — искал он новые пути:

Анестезии начат труд регионарной.
Врач знаменитый после в Фатеж приглашен,
Но не стерпел управы местной злого чванства,
Равны ему бедняк и тот, кто властью облачен
И Валентин уволен чернью за бунтарство.

В науке начал он дорогу пролагать
И принят был в Москве в экстернатуру
Там продолжал анестезию изучать,
Семьи заботы отдалили цель мірскую…

Он, наконец, в Переяславль[1] определен —
В сень храмов и святынь Руси старинных,
Близ нужд крестьянских и к науке приобщен,
Рос духом, жил семьей, трудился для Отчизны.

Так раньше жил здесь и трудился Даниил —
Святой подвижник и целитель безвозмездный
И Сергий здесь чин иерея получил
И был рожден князь Александр Невский.

Все ближе, ближе подступала к ним война —
Разрухи тьма уже спускалась на Россию,
Болезнью сражена цветущая жена[2]
И для нее семья к Ташкенту устремилась.

Россия средь войны осталась без царя,
Но не было, как в смуту, патриарха,
Мужик винтовку взял, обидами горя,
Окраины покинуть рвались государство.

Анархия, ярясь, терзала всю страну,
В стране пылали церкви и поместья.
Власть слабую смели тогда большевики,
Мір созидая новый — силы и бесчестья.

Собор поместный — Церкви новый путь открыл:
Перед Владимирской иконою в молитвах —
Там Тихон русским патриархом избран был,
Русь осенил Престол — в Ее грядущих битвах.

Стон страстотерпцев слышал новый патриарх
И осудил тогда он грех цареубийства,
Настало время веру подтвердить в делах —
Не местью Русь, но, лишь, Любовью возродится!

Пылала силой зла гражданская война

[1] В Переславле-Залесском святитель в 1911–1917 гг.
[2] Анна Васильевна заразилась туберкулезом в 1917 г., умерла 27.11.19 г.

И Валентин как врач[3] не знал отдохновенья,
В Ташкенте жарком тяжко мучалась жена,
Но все еще жила надежда на спасенье.

Террором красным и Ташкент не обойден
Иуды роль взял на себя Андрей-служитель[4] —
Подвижник-врач на суд неправый отведен,
Но отпустил его нежданный избавитель…

Но от волнения совсем слегла жена
И до конца не поднималась больше с ложа,
В страданьях тяжких к Богу Анна отошла,
Благословляя четырех детей и мужа.

Две ночи страшных по жене читал Псалтырь
И получил тогда от Бога вразумленье:
Он хирургической сестре[5] детей вручил —
Приемной матери вручил о них раденье.

Земной любви его закончилась пора,
Но лишь любовь одна рождает вдохновенье,
Влекли теперь его церковные дела —
В гонимой Церкви вновь обрел Любви горенье.

ГЛАВА 3. НАЧАЛО ЦЕРКОВНОГО СЛУЖЕНЬЯ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ

В России вера поруганью предана,
Но веры зерна — Бог рассеял за границей:
В Китае, Сербии плоды дала она,
В Париже школой богословской возродится.

Чумой безбожия страна заражена
И стала нравственность — мишенью для глумленья,
Лишь исповедниками Русь сохранена
И свет их мужества — ночь озарил паденья.

Врач-исповедник вместе с Родиной страдал,
Красноармейцами подвергнут избиенью,
Но ради страждущих свой пост не оставлял
И много сил отдал церковному служенью.

Как врач-хирург он становился знаменит,
Он и профессор и больница не забыта
И для коллег его талант всегда открыт —
Сил не жалел для становленья факультета[6].

[3] Святитель работал главным хирургом в Ташкентской городской больнице.
[4] Нерадивый служитель больничного морга.
[5] С. С. Валецкой
[6] Святитель был одним из инициаторов создания медицинского факультета Ташкентского университета.

В делах судебных жизнь врачей он защищал[7],
Но был суров к врачам без чести и морали,
Против безбожия — за веру выступал
И атеисты в этих спорах отступали.

Вновь проявилась его рыцарская суть,
Когда на Церковь власть обрушила гоненья
И не давал он, верных Церкви, обмануть —
Предателям, надевшим маску обновленья.

Он знал Евангелье, устав узнал из книг
И начинал врача-священника служенье,
Епископ ссыльный его в иноки постриг[8],
Апостола Луки дал имя в миг прозренья.

Для посвященья тайно прибыл в Пенджикент[9],
Владыки властью появился осененный
И в Туркестане обновленцев он разит,
Когда казалась их победа предрешенной.

Святитель знал, что на гоненье обречен —
Успел составить «Завещанье» чадам верным —
Не восставать на тех, кто властью облачен,
Но с «вепрем диким»[10] не губить себя общеньем.

Он арестован и в Москву направлен был,
Но люди падали пред поездом на рельсы,
Свет их любви врач-исповедник не забыл —
Он помогал терпеть все пытки и наветы.

В тюрьму московскую не сразу заключен —
Бог свел его с святейшим патриархом,
Быть пастырем-врачом Лука благословлен:
Христу служить — врача и пастыря талантом!

ГЛАВА 4. В СИБИРЬ СВЯТИТЕЛЯ ЗЕМНАЯ ВЛАСТЬ ВЕДЕТ

Народ, земного Рая сказкой завлечен —
Вступил в мір Зазеркалья искаженный,
В страну: где царь и бог — невежества закон
И страждет дух, в оковы заключенный.

Две правды есть — аскета правда и судьи:
Блаженных правда — это истина и свет,

[7] Дело профессора Ситковского.
[8] Епископ Андрей (князь Ухтомский) имел благословение патриарха Тихона выдвигать кандидатов для епископской хиротонии.
[9] Епископская хиротония святителя Луки произошла 31.05. 1923.
[10] Так назвал святитель обновленцев.

Судьи же правде — рьяно служат палачи
И страшен мір, где в душах судий Бога нет.

Все рушили — страны в затменье роковом,
С интеллигентами ушли уж корабли
И в жажде благ и справедливости народ —
Не знал, что правда станет ложью без любви…

Уже Кронштадт восставший отгремел
И рыцарь Гумилев расстрелян был,
Кровь мучеников Ржевский полигон[11] впитал –
Морок Инонии[12] страну закабалил...

Для Зазеркалья вера в Бога — глупость, ложь:
От дел серьезных — отвратить, чтоб молодежь,
Кто Православию и патриарху верен был —
Клеймо — врага советской власти получил.

Святитель был в расцвете творчества и сил,
Нес слово Божье и больным хотел служить,
Но осужден как враг — хоть Родине служил
И обучался он — в стране ГУЛАГа жить[13].

Был заключен святой в Бутырскую тюрьму,
И здесь духовного наставника нашел[14]:
Митрополит Арсений много дал ему
И с рук Луки, поздней, ко Господу ушел…

Луку — подвижника не изменить и тот:
Шпаненку в карцере — тулупчик отдает…
Тюрьма Таганская — преддверье, лишь, невзгод:
В Сибирь святителя земная власть ведет.

В места, где верой оскудел тогда народ,
И обновленцам храм за храмом отдает,
Народ где, просто, вымирает без врачей,
На откуп отданный шаманов и рвачей.

Сибирь тюремная, этапы–города:
В Тюмени — вечера пленила красота,
Но, вдруг, от станции заставили бежать,
Больным и слабым не желая сострадать…

[11] Ржевский полигон — место массовых расстрелов в 1920-х гг. В 1922 г. здесь были расстреляны свщмч. митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) и с ним прпмч. архимандрит Сергий (Шеин), свв. новомученики Иоанн Ковшаров (юрисконсульт Александро-Невской Лавры) и Юрий Новицкий (профессор кафедры уголовного права Петроградского Университета). Всего в 1922 г. только священнослужителей было казнено более 8 тыс.

[12] Так поэт Сергей Есенин, в одноименном стихотворении, называл безбожную страну Зазеркалья.

[13] Первое заключение и ссылка свт. Луки: июль–окт. 1923 г. — Бутырская тюрьма; окт.–дек. 1923 г. — Таганская тюрьма; затем ссылка в Сибирь сроком на 2 года, которая фактически продлилась до января 1926 г.

[14] Святитель Арсений (Стадницкий) (1862–1936), митрополит Ташкентский и Туркестанский (1933–1936)

Бег на морозе обострил миокардит —
Но власть тюремную боль зека не страшит…
Омск-пересыльный повернулся новым злом —
Вагоном-камерой с блудницей, с варнаком[15]…

В Новосибирске не помог авторитет —
Для политзэков от воров спасенья нет,
Он еле вырвался из камеры с шпаной,
Но дух тюремный воцарялся над страной…

Их в Красноярске ждал застенок ГПУ —
Подвал загаженный был превращен в тюрьму.
В соседней камере расстрел шел казаков —
Страны Инонии изгоев и врагов…

Зимой дороги в Енисейск так нелегки,
Но ждали помощи селяне от Луки,
Щипцы и нож, ведь, инструментом могут быть —
Во Славу Божью, чтоб больного исцелить…

И в Енисейск пришел, но там царил раскол
Там Литургии на дому святитель вел,
Один лишь дьякон Православью верен был,
Лука того в чин иерея посвятил.

Узрев его, прохожий удивлен монах —
Святого видел десять лет назад во снах,
Там он узнал, что сан получит: иерей
И от Луки чин получил — мечты своей.

Врач-безсеребреник, хирург и анатом,
Лука для страждущих свой открывает дом,
Шли Литургии, как у древних христиан,
Там где святой — там каждый дом: больница-храм.

Епископ-врач — враг атеистам и для тех,
Корыстолюбье кто себе не мнит за грех,
Луку злословят комсомольцы и рвачи,
Кто не боялся записаться в палачи,

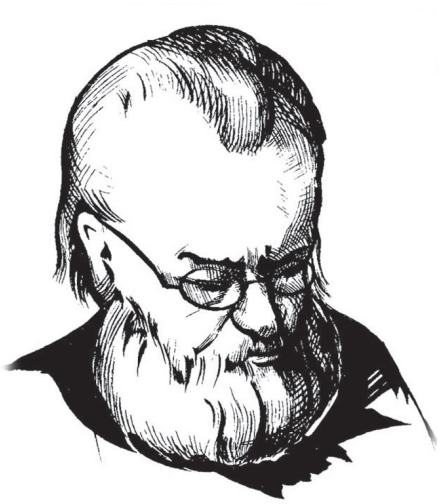
Кто грабил церкви и тревожил предков прах —
Шло накопленье зла в неопытных юнцах:
Так созревал тридцатых ужас и террор —
Его питал сердец злых «пламенный мотор».

Луку погнали вглубь тайги на Ангару,
Целил святитель Приангарскую страну,
Когда-то, также шел здесь ссыльный Аввакум,

[15] В вагонную камеру на этапе Омск-Новосибирск, кроме святителя и двух протоиереев, поместили проститутку и бандита, убившего восемь человек.

Их гнус терзал, но возрастал в молитве ум.

Вернули в Енисейск святителя Луку
И заключили его в местную тюрьму.
В клоповник-камеру профессор заключен,
Огнем свечи, лишь, от клопов был защищен.



И дальше шла бессудной ссылки маета:
В таежный Туруханск святитель плыл Лука —
Терялись в дымке Енисея берега,
С святым молилась вся бескрайняя тайга.

И вести о святом Луке край оживляли —
Там ждали люди богослова и врача
И в Туруханске на колени люди пали
Епископа благословения прося.

Стал в Туруханске он руководить больницей,
Им к православью был священник возвращен,
А на святителя земная власть ярится,
Что врач — епископскою властью наделен.

И шествие святителя на север длится:
Приказ — за полчаса до ссылки страшной дан.
По ледяному Енисею он направлен —
На север мрачный, где полярной ночи стан.

Христос сказал — не думайте о тленном
И вещи теплые нежданно привезли[16],
Христово Слово шло с святителем на север,
Свет благодати ощутил и конвоир[17]…

Хоть Плахино-станок Луку радушно встретил,
Но юга жителю — был пыткою Таймыр
И страшный «сивер» дул и голод зубы скалил,
Но Иисус врача-святителя хранил.

Два месяца Луку испытывал Таймыр
В избе, где окна закрывали льдины —
Народным гневом был напуган самодур[18]
И в Туруханск врача святого возвратили.

Святой целил больных и край благословлял,
Что раньше Новой Мангазеей звался,

[16] Эсер Розенфельд, принципиальный атеист и материалист, яростно споривший со святителем, узнав о новой его ссылке, собрал для него теплые вещи и деньги.

[17] Встреча со святителем Лукой поразила молодого милиционера-конвоира, который говорил: «Я чувствую себя в положении Малюты Скуратова, везущего митрополита Филиппа в Отрочь монастырь».

[18] По доносу председателя Туруханского краевого совета святителя Луку выслали «на Ледовитый океан», однако после смерти одного местного крестьянина в отсутствие врача народ возмутился, и святитель был возвращен в Туруханск.

Василий Мангазейский край таежный окормлял,
С мощей его — молитвою Луки край озарялся.

Но Зазеркалья власти — адский мрак питал,
Машина смерти набирала обороты,
Гонитель лжесвидетелей пытал
И в Красноярск слал на святителя доносы.

Сибирской ссылки все же время истекло,
Но лед уже сковал теченье Енисея
И время шествия святителя пришло —
Дороги зимней, всех селений посещенья.

На сотни верст шла о святителе молва
И в Красноярске возвращенья его ждали,
По льдам, святителя дорога пролегла —
Пред Рождеством туда Луку домчали сани.

Припал к нему в восторге бывший конвоир,
Из ГПУ Луку нежданно отпустили,
Рождественскую службу дали посетить
И вывел Иисус святого из Сибири…

Святитель был в край Енисейский заключен,
Край еретическим соблазном совращенный,
Святым Лукой вновь Православья Свет зажжен
В стране, безбожья, ядом оскверненной.

И десять верных[19] все ж святой нашел,
В огромном Туруханском снежном крае,
Суровый край врача-святителя обрел,
Хоть миражи еще там живы Зазеркалья

И в Красноярске ныне память чтут Луки
Там памятник врачу-святителю воздвигли,
Был не напрасен тяжкий сеятеля труд —
Средь терний, пробиваются побеги к Жизни…

[19] По словам из последней проповеди в Туруханске, сохранившейся в материалах уголовного дела, заведенного на святителя Луку в Туруханске.